

1. Буга, П. Г. Создание учебных книг для вузов / П. Г. Буга. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 80 с.
2. Гарагуля, С. И. Английский язык для студентов строительных специальностей: учебное пособие / С. И. Гарагуля. – Изд. 2-е, испр. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 347, [1] с. – (Высшее образование).
3. Теремова, Р. М. Учебник по русскому языку как иностранному нового поколения: опыт и перспективы / Р. М. Теремова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gigabaza.ru/doc/135482.html>. – Дата доступа : 06.01.2020.
4. Зайнутдинова, Л. Х. Создание и применение электронных учебников (на примере общетехнических дисциплин) / Л. Х. Зайнутдинова. – Астрахань : Изд-во ЦНЭП, 1999. – 364 с.
5. Карандина, С. И. Актуальные проблемы организации обучения английскому языку с применением ИТ / С. И. Карандина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ict.edu.ru>. – Дата доступа : 08.01.2020.
6. Явич, М. П. Электронный учебник, его преимущества и недостатки / М. П. Явич // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://web.snauka.ru/issues/2018/10/16884>. – Дата доступа : 04.01.2020.
7. Листвин, Д. А. Полный курс немецкого языка / Д. А. Листвин. – М. : Изд-тво АСТ, 2017. – 510 [2] с.: ил. – (Полный курс).
8. Зыблева, Д. В. Немецкий язык. Профессиональная лексика для инженеров = Deutsch. Fachlexik für Ingenieure: учеб. пособие / Д. В. Зыблева. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 269 с.
9. Паремская, Д. А. Немецкий язык: читаем, понимаем, говорим / Д. А. Паремская, С. В. Паремская. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 415 с.: ил.
10. Интерактивное взаимодействие в обучении учащихся. Программно-методический комплекс для слушателей целевых курсов повышения квалификации [Электронный ресурс] / Андарало А. И. [и др.]. – Минск, 2009. – 77 с. – Режим доступа : <https://www.belstu.by/Portals/0/userfiles/15/POSOBIE-polnoe-INTERAKTIVNIE.doc>. – Дата доступа : 01.02.2020.

Abukhouskaya A. The Role and Place of Textbooks in Teaching Foreign Languages at a Non-linguistic University

The availability of high-quality teaching materials has always been, and to this day still remains, one of the most important prerequisites for successful preparation of well-qualified specialists at higher education institutions. The article deals with some of the basic requirements that should be met by a modern foreign language textbook designed for full-time non-language university students.

Key words: *higher education, teaching materials, foreign language textbook, didactic requirements*

УДК 81'42:82-96=161.3

Писарук Г. В.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА С. МАЖУКО ПАСТЫРЬ ДЕТЕЙ И ДЕРЕВЬЕВ»

В статье представлен лингвостилистический анализ религиозно-философского текста «Пастырь детей и деревьев», автором которого является священнослужитель христианской церкви Савва Мажуко. Исследуются содержательно-смысловой и композиционный аспекты текста, анализируются языковые средства лексического и синтаксического уровней. Сделан вывод о том, что яркую публицистичность тексту придают открытость суждений автора, призывность, обилие изобразительно-выразительных языковых средств.

Текст Саввы Мажуко, архимандрита Свято-Никольского монастыря в Гомеле, публициста, постоянного автора интернет-портала «Православие и мир», взят из книги «Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста» [1].

Публицистичность стиля избранного нами для анализа религиозно-философского текста С. Мажуко – «Пастырь детей и деревьев» (предложения в нём мы пронумеровали для удобства в работе) – проявляется в первую очередь целевой установкой: автор стремится убедить читателя в том, что мир природы, созданный Богом для людей, является прекрасным, **22 самым чудесным из сотворенных миров**, но не самостоятельным: всё в этом мире тянется к человеку, мечтает о его внимании, и человек может ответить на это желание. Знать деревья по именам, по мнению С. Мажуко, который есть **9 сын города, слабо посвященный в тайны цветов и соцветий**, – это счастье для человека, однако быть пастырем деревьев – искусство, подвластное далеко не каждому, поскольку **13 нам, шумным и слишком главным, не интересны их язык и тихая неторопливая жизнь**. Так можно сформулировать содержание содержательно-концептуальной информации текста.

Название текста – «Пастырь детей и деревьев» – очень ёмкое. Пастырь – ‘руководитель кого-либо в духовной жизни, наставник’ [2]. Пастырь является исполнителем воли Божьей, которая заключается в налаживании в человеке гармоничных отношений с самим собой, с окружающим миром и с Богом. У пастырей высокое призвание – воспитывать души людей, поэтому даже вне исследуемого текста совершенно объяснимо выражение «пастырь детей», а смысл выражения «пастырь детей и деревьев» раскрывается только содержанием текста.

Текст можно разделить на четыре подтемы. В первой части говорится о священном мире растений (представлены названия необычных цветов). Во второй части повествуется о чудесных страницах книг Виктора Астафьева, на которых часто встречаются целые родословия растений. Из третьей части мы узнаем об авторе, об его отношении к деревьям и растениям. И в четвертой, заключительной части, говорится об утре Воскресения Христова.

Текст вызывает интерес содержательно сложной, на наш взгляд, и необычайно разнообразной лексикой. Основу анализируемого текста составляют конкретные существительные (**1 деревья, 2 цветы, 3 томик, 5 луг, 6 рука, 12 город, 20 глаза**), однако в тексте много и абстрактных существительных (**1 счастье, 5 магия, 5 прекрасное, 21 чудо, 22 ласка, 25 восторг, 25 восклицание**). Среди прилагательных много слов с эмоционально-оценочным значением (**3, 9 волшебный, 5 капризный, 7, 21 благородный**). На фоне общеупотребительной автор активно использует разностилевую лексику: книжные единицы, имеющие торжественную, риторическую или поэтическую окраску (**2 благородно и чарующе, 2 священный мир, 5 благоговейно, 5 поминая, 6 воскрешали, 12 безмолвие, 26 благоговейное и благословенное касание**), разговорные слова (**14 молчуны, 18 мордочка, 2 прозвище, 5 капризный, 14 кустики, травинка**), есть вкрапления и лексики официально-делового стиля (**8 реестр, гностический толедот**). Собственно, религиозной лексики в тексте немного: **2 священный мир, 5 благоговейный, 10 пасхальное утро, монастырский двор, 20 пастыри, 26 благословляющий, 28 Воскресение Христово, христианская Пасха, 29 Евангелия, 30 евангельские события, 32 апостолы**.

Тезис текста, который по своим функционально-смысловым параметрам представляет собой рассуждение, прописан в начале – в первом предложении **1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам!** Разворачивая доказательства этой мысли, С. Мажуко утверждает, что у цветов и деревьев есть имена, которые им дал человек **2 Священный мир растений поименован, назван, озвучен...**, и имена цветов и деревьев звучат в томике Вергилия как **3 свежайший ароматный напиток** – низкорослые тамариски, цветы колокассий с акинфом, аммом ассирийский. Автор вспоминает и Гомера, который, будучи слепым, в своих произведениях **5 благоговейно поминал луг асфodelий или волшебное растение моли**.

Чарующее, по мнению автора, звучание названий представителей священного мира растений – в одном абзаце (втором). На фоне общеупотребительной лексики здесь представлены названия шести растений, неизвестных, на наш взгляд, среднестатистическому читателю: *3 тамариск, 3 колокассия, 3 акинф, 3 аммом, 5 асфодель, 5 моли*. Интересно, что автор называет эти цветы *невиданными (4 А для меня это еще и невиданные цветы...)* в значении «которые никогда не видел», поскольку далее говорит, что *4 ...только слышал их чудесные голоса...* Между тем названия этих *невиданных* растений могут вызвать у читателя предположение, что эти растения странны, необычны и таинственны. Автор не рассказывает читателю о них, тем самым сохраняя некую тайну и вызывая к ним интерес. Информация о названных растениях была найдена в Википедии [2] и библейской энциклопедии Брокгауза [3].

Упомянутые в публицистическом тексте фитонимы формируют культурологическую глубину текста, давая внимательному читателю ориентиры в пространстве и времени, чтобы сделать вывод: растительный мир разнообразен, но един; где бы какое растение ни обитало, время не влияет на него, если ещё великий Гомер описывал те растения, которыми мы можем восхищаться сегодня.

Кроме упоминаний о Гомере – одном из величайших поэтов древнегреческой античности, Вергилии – известном поэте Августовского века (золотого века древнеримской культуры), В. П. Астафьеве – известном советском и российском писателе XX в., в тексте цитируются русский поэт-символист начала XX в. М. А. Волошин и один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века Р. М. Рильке. Называя эти имена, автор не сомневается, что читателю они известны, поэтому и не поясняет, кто есть кто. Персоналии в тексте использованы в роли риторического топа «свидетельство» – доказывают, что не один автор очарован священным миром растений – цветов и деревьев.

Так, в третьем абзаце С. Мажуко утверждает, что у В. Астафьева, одного из немногих писателей, кого при жизни признали классиком, *8 Некоторые страницы ... напоминают реестры сакральных имен, гностические толедоты, целые родословия растений*. Использование в тексте публицистического стиля слова с официально-деловой окраской *реестр* («список, письменный перечень, опись; книга для записи дел и бумаг в канцелярии» [2]), малоупотребительного сегодня слова *толедот* («происхождение, родословие или житие»; «история рода, обращенная к его началам») и образное выражение *родословия (растений)* ставят В. Астафьева в один ряд с Вергилием и Гомером в их отношении к миру растений. Автор удивляется такому трепетному чувству поэтов античности и прозаика современности и даже завидует, поскольку он – *9 сын города, слабо посвященный в тайны цветов и соцветий*

В христианстве считается, что наречение имени всегда основывается на знакомстве с природой нарекаемых существ, а сам процесс и факт наречения является показателем власти того, кто даёт имя (см. Библия, Быт. 2:19–20), поэтому для С. Мажуко знать растения и деревья, которые для него *19 прекрасные и мудрые создания*, по именам – это больше, чем знать, как называется то или иное дерево или цветок, это значит, понять, как они живут, и взять их под свою опеку. Жизнь природы открывается людям *13 через прикосновение и запах*. В доказательство этой мысли С. Мажуко вспоминает эпизод из своей жизни – ощущения во время светлого пасхального утра на монастырском дворе.

Для этого в текст-рассуждение вводится описание (пр. *10-12*), которое оформляется с помощью обилия прилагательных с оценочным значением (*12 мягкий утренний свет, необычная тишина, свежая нота, новая свежесть, неповтори-*

мый запах лопнувших почек и др.), глаголов несовершенного вида изъявительного наклонения в прошедшем и будущем времени (**10 стоял, 11 ждёт**), глаголов в форме прошедшего результативного времени (**11 затаилось**), глаголов в форме инфинитива совершенного вида (**11 выбежать, разлиться**), сложного предложения с разными видами связи, в котором предикативные части представляют собой назывные предложения и двусоставное неполное с пропущенным сказуемым (**12 Мягкий утренний свет, необычная для города тишина и в этом безмолвии вдруг свежая нота – аромат новой свежести, неповторимый запах лопнувших почек.**)

Описание буквально «взрывается» коротким восклицательным простым нераспространённым предложением – **13 Деревья проснулись!** Деревья-молчуны проснулись – и начали разговаривать ароматами, утверждает С. Мажуко. Здесь он цитирует Максимилиана Волошина: **15 «О, запах цветов, доходящий до крика!»** Тем самым автор ставит М. Волошина в один ряд понимающими цветы и деревья **7 благородными людьми** Вергилием, Гомером и В. Астафьевым.

Текст имеет ярко выраженную субъективную модальность. Субъектность текста подчеркивается употреблением личных и притяжательных местоимений (**4, 9, 10, 17, 18 я, 16, 17, 18, 22 мне, 21 мы, 21, 22, 25 наше**). Свою позицию в тексте автор выражает предельно откровенно уже с первого предложения, что и требуется в публицистике: **1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам!** Далее пишет, что, когда читал Вергилия, звучание имен невиданных растений было свежайшим ароматным напитком, и он полюбил их заочно (пр. **4**). А в детстве ему нравилось обнимать деревья, прикасаться к ним щекой, гладить (пр. **16, 17**) и не нравилось рвать цветы (пр. **18**). Наконец, вершина оценочности С. Мажуко в предложениях, где он говорит, что **19 Деревья и цветы – прекрасные и мудрые создания, лишённые зрения и слуха. 20 Их глаза и уши – у нас, пастырей деревьев, пастухов цветов и растений.**

Всё в мире взаимосвязано: природа создана для Человека, чтобы пробудить истинное призвание людей. Неслучайно деревья и цветы лишены зрения и слуха, ведь древняя роль Человека – быть их глазами и ушами. Поэтому пастыри являются своеобразными проводниками между миром природы и миром людей, поскольку далеко не каждый человек может «услышать» деревья и цветы. Деревья и цветы лишены зрения и слуха, а роль Человека – быть их глазами и ушами. Это чувство **21 даёт о себе знать, неожиданно просыпаясь в детях и просто хороших людях, искренне и бескорыстно восхищающихся чудом живого, многообразием и многоликостью этого прекрасного мира.** Более того, пишет автор: люди созданы для служения деревьям, цветам, растениям, зверям. **22 Иногда мне кажется, что кошка сотворена такой «удобной» именно для человеческой руки, но и рука наша предназначена для ласки и заботы не только о людях, но и о кошках, о деревьях, о нашем славном мире, самом чудесном из сотворенных миров. 23 Человеческие руки сделаны под деревья и кошек, деревья и кошки приходятся впору нашим рукам.**

Мир сотворён для нас Богом, утверждает автор, он **21 сочинен как раз нам под руку, впору нашим рукам и лицам,** в нём – гармония: кошка для нас, а наши руки – и для кошек, и для деревьев. И природа ждёт нашего прикосновения, подобно детям на утреннике. Так в текст вводятся дети, и в итоге в одном смысловом ряду оказываются деревья, цветы, звери и дети.

В одном из предложений С. Мажуко пишет, что человека **34 зовёт земля, ждущая внимательных и чутких рук, любящих глаз, радетельного присмотра.** Так в текст вплетается важная христианская истина, о которой писал апостол Павел в Послании к Римлянам (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация Синодального канонического издания Библии. – П.Г.): «...тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, – Потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего (её), – в надежде, Что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в сво-

боду детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне». Читатель-христианин, знакомый с текстом Священного Писания, несомненно, обратит внимание на эту аллюзию, а читатель, не знакомый с Библией, вероятно, воспримет эти слова как художественный образ, что не меняет результата: автор внушает читателям мысль о необходимости заботиться о земле.

Да, утверждает автор текста, люди должны быть пастырями деревьев, но не только пастырями: *21 Мы – их дриады и наяды, это наше древнее и благородное служение, которое дает о себе знать, неожиданно просыпаясь в детях и просто хороших людях, искренне и бескорыстно восхищающихся чудом живого, многообразием и многоликостью этого прекрасного мира, сочиненного как раз нам под руку, в пору нашим рукам и лицам.*

Автор вводит в текст названия мифологических божеств, с каждым из них связан древнегреческий миф. Дриады (дриады) в древнегреческой мифологии – это лесные нимфы, покровительницы деревьев. Считалось, что дриады неотделимы от дерева, с которым связаны, и умирают, когда умрет дерево. Наяды – это нимфы водных источников, покровительницы определённого водного объекта, его душа и воплощение. Будучи связанными с реками, ручьями и озерами, они умирали, если их водный объект пересыхал. Слова *дриады* и *наяды* автор вводит для того, чтобы, мысленно перенося читателя в сакральный мир, точнее объяснить функцию современного человека в отношении природы.

Строки Р. М. Рильке *27 «Почти все вещи ждут прикосновенья. // За каждым поворотом нас маня, // Когда-то неприметное мгновение // Вдруг властно вскрикнет: вспомни про меня»* являются сильным аргументом в системе доказательств этой точки зрения автора.

Последние абзацы текста автор посвящает описанию событий первой христианской Пасхи, когда воскрес Иисус Христос. Здесь автор открыто отсылает читателей к евангельским главам, не называя их (знающий Евангелие легко найдёт эти места – это Лк. 24:13–53; Ин. 24–29; 21:1–25), и с любовью описывает то, что происходило в этот день: *32 Веселый и уютный костер на песчаном берегу и хлеб с медом и печеная рыба для детей-учеников, и сами дети-апостолы – Петр бросается в воду, чтобы скорее увидеть Учителя, Фома трогает ранки, совсем как ребенок, зачарованный ранением или ссадиной.*

Эти последние главы евангелий автор текста называет *29 утешительными свидетельствами*. Слово *утешаться* употребляется в значении ‘успокаиваться’ [2], т. е. автора успокаивают воспоминания, вселяя в него надежду на возрождение души человеческой. Он называет Иисуса Христа в этих абзацах *31 победителем смерти, 32 Учителем, 33 Воскресшим Богом, 37 Вечным Пастырем, смиренным пастушком, Пастырем людей и деревьев*. Здесь опять ненавязчиво С. Мажуко провозглашает важнейшую христианскую истину – воскресший Иисус Христос расставит всё по своим местам: Его воскресение *35 будит в нас пастырей и заботливых старших братьев, и хлопотливых сестреноч, которых зовет земля, ждущая внимательных и чутких рук, любящих глаз, радельного присмотра*; это Он, *37 Пастырь людей и деревьев, вернул отцов детям, братьям сестер, деревья детям*.

Только дочитав текст до конца, становится понятным, почему текст называется «Пастырь детей и деревьев», а не, например, «Пастырь людей и деревьев». В пр. *32* автор говорит о детях-учениках и детях-апостолах, называя взрослых учеников Иисуса Христа детьми, следовательно, и любой из нас сегодня, будучи учеником Иисуса Христа, является для Него ребёнком. Так в конце текста для вдумчивого читателя название текста – «Пастырь детей и деревьев» становится говорящим: этот текст не только о правильном отношении людей к окружающему миру, а – главное! – об Иисусе Христе, который делает возможным такое отношение людей ко всему – к цветам, деревьям, кошкам.

Текст-рассуждение С. Мажуко как тип речи формируется не только содержательно и композиционно, но и специальными синтаксическими средствами. В данном тексте использованы разные типы предложений: простые, сложные и их виды. Простые предложения помогают сделать текст точным и логичным, но в то же время благодаря им речь наполнена живостью и экспрессией (*1 ...счастье – знать деревья по именам! 16 ... мне нравилось обнимать деревья*). Сложные же предложения позволяют автору более точно выразить свою мысль. В анализируемом тексте представлены сложносочиненные предложения, с помощью которых автор обосновывает, объясняет собственные размышления и доводы (*2 священный мир растений поименован, назван, озвучен, и прозвища деревьев, имена цветов звучат благородно и чарующе*). С помощью бессоюзных предложений создается динамичная, напряженная картина (*7 эти благородные люди знали, о чем пишут: благозвучные цветы и сладкогласные деревья росли рядом, отбрасывая тень на рукопись нескончаемой поэмы*). Сложноподчиненные предложения помогают текст сделать эмоциональным, законченным, выразительным (*3 когда из томика Вергилия вдруг «прорастают» низкорослые тамариски, ... кажется, что пьешь свежайший ароматный напиток... 9 если бы я был охотником, ..., я бы рассказал много историй...*). Для большей выразительности речи используются восклицательные (*1 Какое это, должно быть, счастье – знать деревья по именам! 13 Деревья проснулись! 15 «О, запах цветов, доходящий до крика!»*), и вопросительные (*24 И знаете, что?*) предложения.

Таким образом, религиозно-философское рассуждение известного белорусского публициста С. Мажуко, адресованное широкому кругу читателей – верующим и неверующим, имеет цель – убедить людей в необходимости быть пастырями деревьев – любить природу, заботиться о ней, отвечая на её желание. В ярком и выразительном тексте С. Мажуко, почти не содержащем религиозной лексики, происходит пересечение культур – светской и христианской: в тексте логично пересекаются светские морально-нравственные требования к человеку и глубокие христианские истины, которые тем не менее в тексте не выпячиваются, лишь обозначаются. С. Мажуко умело оформляет содержательный аспект текста (он знает, когда рассказать житейскую историю, а когда – сказать важные слова и отослать читателя к Священному Писанию), грамотно выстраивает композицию текста (логично сочетает разные типы речи, разные коммуникативные регистры), великолепно владеет языковыми средствами всех уровней. Языку С. Мажуко присуща яркая публицистичность – открытость суждений, призывность, обилие изобразительно-выразительных средств, что, несомненно, привлекает читателей.

1. Мажуко, С. Апельсиновые святые. Записки православного оптимиста / С. Мажуко. – [Интернет-источник]. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=554431&p=1> – Дата доступа : 01.04.2020.

2. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 08.12.2019.

3. Рункер, Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Рункер, Г. Майер, У. Вендель. – Вупперталь : ChristlicheVerlagsbuchhandlungPaderborn, 1960. – 1226 с.

Pisaruk G. V. Linguistic and stylistic features of the religious and philosophical text S. Mazhuko "Shepherd of children and trees"

The article presents a linguistic-stylistic analysis of the religious and philosophical text "Shepherd of Children and Trees", the author of which is the clergyman of the Christian church Savva Mazhuko. The content-semantic and compositional aspects of the text are investigated, the language means of the lexical and syntactic levels are analyzed. It is concluded that the openness of the author's judgments, invocativeness, and an abundance of expressive-linguistic means give a bright publicity to the text.